



ЗНАЧЕНИЕ ПОХОДОВ СВЯТОСЛАВА В БОЛГАРИЮ¹

Акад. Ф. И. Успенский

Установившиеся между Болгарией и Византией отношения при сыне Симеона Петре, которыми вполне обеспечивалось самостоятельное политическое и церковное благосостояние Болгарии, казалось бы, сулили многочисленные и разнообразные выгоды той и другой стороне. Об исключительных привилегиях Болгарии говорит уже и то обстоятельство, отмеченное Лиудпрандом, что болгарским представителям при дворе восточного императора давалось первое место перед всеми другими послами иностранных государств. В современной летописи² придается этому обстоятельству выдающееся значение. «Когда, по совершении брачного торжества, Мария имела отправиться со своим мужем в Болгарию, родители ее вместе с протовестиарием Феофаном проводили ее до Евдомона. При прощании же, обняв дочь, пролили много слез, как естественно, когда расстаются с возлюбленным чадом, затем поцеловали зятя и, передав ему с рук на руки свою дочь, возвратились во дворец. Мария же отправилась в Болгарию и радостная вместе и печальная. Ей было горько расставаться с милыми родителями и царским домом и лишиться общения с родными, но ей было и приятно при сознании, что она вышла замуж за царя и что она стала владычицей болгарского народа. Она везла с собой разнообразные богатства и бесчисленное множество всякого добра». Она поддерживала постоянные сношения с константинопольским двором, как отмечено это у летописца, а по смерти отца своего Христофора гостила в Константинополе с тремя своими детьми «и возвратилась домой с богатыми подарками от своего деда».

Трудно выяснить, насколько Византия в это время «работала» над разложением могущества болгарского царства, как обыкновенно говорят об этом ученые, начиная с Дринова; едва ли справедливо также приписывают много политического значения секте богомилов, которая будто бы подготовила распадение болгарского царства. Выставляя на первый план интриги Византии, мы умаляем значение разнообразности этнографических элементов, входивших в состав державы Симеона; указывая на богомилов, не хотим считаться с тем, что эта секта не анархическая, а дуалистическая и что социалистические тенденции, находимые в учении Богомила,

¹ Глава из неопубликованной 2-й части II тома «Византийской истории». За смертью акад. Ф. И. Успенского в 1928 г. капитальное издание «Византийской истории» было прервано на 1-й части II тома.

² Theophan. Contin., VI, 23, de Romano Lacapeno (стр. 414, 422).

развились позже. Нельзя закрывать глаза на два факта, которые имели реальное и неоспоримое значение в истории Болгарии во второй половине X в. Это, прежде всего, походы Святослава в Болгарию, которые имели такое же решительное значение для восточной половины болгарского царства, как опустошительная война Василия II Болгаробойцы для западной половины. Далее, во весь исторический период непреодолимое препятствие к образованию государственности на Балканском полуострове и к прочному сщеплению разнородных этнографических элементов, затронутых притом же двумя противоположными культурными влияниями—римским и византийским, католическим и православным,—составляли те же центробежные силы, которые действуют и по настоящее время: это непримиренная разность болгарских и сербских притязаний, албанских и владшских. Этими фактами и нужно объяснять испытанные Болгарией потрясения при царе Петре.

Итак, попытаемся выяснить значение указанных фактов на северной границе. Повод, вызвавший поход Святослава в Болгарию в 968 г., заключался, по словам Льва Диакона, в следующем.

После взятия Тарса и до возвращении императора Никифора в столицу явились к нему от болгар послы с требованием положенной дани. «Раздраженный царь велел бить посл в по щекам и выгнать их из столицы, а сам с великим ополчением отправился против болгар и овладел всеми пограничными городами. Но пришедши к убеждению, что эта война представляет много трудностей, возвратился в столицу и, почтивши достоинством патрикия отважного и пылкого Калокира, послал его к тавроскифам, которых мы обыкновенно называем руссами, с тем чтобы он, выдав им 15 кентинариев золота, привел их в землю болгар для ее завоевания. Пришедши в Скифию,—продолжает тот же писатель,—патрикий Калокир понравился начальнику тавров, подкупил его дарами и убедил итти против болгар (мисийцы у Льва Диакона) с великой ратью, с тем чтобы, покоривши их, удержать их страну в собственной власти, а ему содействовать в завоевании римского государства и получении престола. Святослав, услышав сии слова, не мог удержать душевного стремления и, собрав ополчение, состоящее из 60 тысяч храбрых воинов, отправился против болгар с патрикием Калокиром, которого полюбил, как родного брата».

Уже давно и с разных сторон указано было, что как ближайшие мотивы, вызвавшие походы Святослава в Болгарию, так и самый ход дел в повествовании Льва Диакона о русско-болгарской войне возбуждают множество сомнений и вообще не заслуживают такого доверия, чтобы принимать известие его в дословном значении¹. И малоизвестная личность Калокира, и ничем не оправдываемое пожалование ему патрикиата перед посылкой его в Киев, и весьма странное поведение его во всем этом деле, т. е. измена своему царю и тайное соглашение с Святославом, из которого, впрочем, лично для Калокира не получилось никакой выгоды,—все это вместе с отсутствием точных хронологических показаний о пребывании Калокира в Киеве и об его дальнейшей судьбе значительно ослабляет ценность сообщаемых нашим источником сведений о походах Святослава в Болгарию.

Но как бы далеко ни простиралась критика по отношению к известию византийского историка о русско-болгарской войне, мы все же должны считаться с фактической стороной дела. Нельзя сомневаться в том, что

¹ Из обширной литературы укажем: Ч е р т к о в, Описание войны в. кн. Святослава против болгар. Москва, 1843; Д. И. И л о в а й с к и й, История России, I (изд. 2-е), литература, стр. 864; Н. Д. З н о й к о, О посольстве Калокира, ЖМНП, апрель 1907; ноябрь 1908.

Святослав имел предложение со стороны византийского царя Никифора Фоки сделать движение на Дунай и отвлечь в эту сторону военные силы болгарского царя Петра. Дело историка объяснить исторический факт и показать его значение, и в этом отношении он может не соглашаться даже с самым важным и современным событиям писателем, который мог оценивать и мотивировать рассказанный им факт с своей личной точки зрения или на основании полученных со стороны сведений. Современный историк, обращая внимание на резко выраженное столкновение византийских, русских и болгарских политических интересов на северных побережьях Черного моря и в нынешней Румынии¹ в занимающую нас эпоху, не может не обратить внимания на то обстоятельство, что опасность для Никифора Фоки была не со стороны Болгарии, с которою он в состоянии был справиться и без помощи Святослава, а именно в указанном сейчас направлении. Как известно, прежде походов в Болгарию русская летопись отмечает в деятельности Святослава мало до сих пор выясненное движение на восток, которое продолжалось не один год и было выполнено в несколько походов. В русской летописи, кроме походов Святослава на Волгу и Оку, говорится о войне его с хазарами, которым принадлежала обширная область от Волги до Кавказских гор. Вследствие войн с хазарами киевский князь получил значительный перевес на Дону, взял бывшую здесь важную крепость Саркел, построенную греками для укрепления своего влияния в областях на север от Черного моря. Не менее важным для Киевской Руси успехом была победа Святослава над прикавказскими племенами ясов и касогов. Таким образом, в южнорусских степях на место хазарского преобладания наступило русское, и византийские черноморские владения стали подвергаться опасности со стороны Святослава². Что в соображениях Никифора Фоки наступательное движение Святослава должно было представлять опасность, в этом нельзя несколько сомневаться, и что политическая миссия переговоров с киевским князем поручена была именно сыну херсонского протевона или стратига, это следует признать самым соответствующим положению дел выбором царя Никифора.

Как известно, переговоры сопровождались полным успехом и вызвали поход Святослава в 968 г. Что касается истории самих походов, она изложена весьма неудовлетворительно. В первом походе Святослав является другом византийского императора и в короткое время захватил будто бы 80 городов. Хотя это известие наводит на сомнения, однако отступать даже от числа 80 городов нет надобности, особенно если поставить его в связь с известием летописи о городах русских в Молдавии, Валахии и частью в Сербии. За скудостью источников трудно дать отчет о результате движения, которое произвел набег Святослава в Болгарию; по всей видимости, болгарский царь не нашел средств к защите и принужден был запереться в своей столице Преславе, откуда Святослав его выгнал. Были ли взяты русскими в первом походе Переяславец на Дунае или Великая Преслава на Балканах,—неизвестно, хотя Святослав считал более выгодным первый город и желал перенести сюда столицу русского государства. Так как силы Святослава, по русской летописи, были ограничены, то невольно возбуждается сомнение насчет действительного хода дел, хотя в общем нашествие Руси вызвало сильное движение и охватило всю Болгарию (и западную). Это объясняется тем, что у Святослава были союзники из угров. Византийский император скоро понял, что Святослав домогается завое-

¹ Ф. Успенский, Византийские владения на северном берегу Черного моря. «Киевская старина», май 1889.

² Н. Д. Знойко, О походах Святослава на восток, ЖМНП, ноябрь 1908, стр. 260 сл.

ваний в Болгарии, поэтому обратился к печенегам и подкупил их сделать нападение на Киев. Создавшееся вследствие похода Святослава положение хорошо рисуется из того, что Калокир предлагал Святославу захватить Болгарию, а сам надеялся при его помощи завладеть Константинополем. Осада Киева печенегами побудила Святослава возвратиться назад, но в 971 г., похоронив мать и раздав земли сыновьям, он предпринимает новый поход на болгар.

Но теперь обстоятельства изменились к невыгоде Святослава: раньше он был полновластным господином в восточной Болгарии, а теперь ему приходилось снова начинать здесь же военные действия и притом при весьма неблагоприятных условиях. К этому времени и в Византии произошли перемены: Никифор Фока в 960 г. был убит Иоанном Цимисхием. Цимисхию необходимо было примириться с болгарами, так как ему угрожали затруднения в Южной Италии со стороны западного императора. Для достижения своей цели Цимисхий завязал дружеские отношения с болгарским правительством, тем более, что там на место Петра, умершего в это время, стали во главе правления его дети Борис и Роман. Для Святослава, таким образом, предстояло силой принудить к повиновению те области, которыми он завладел в первый поход. При этом русский князь поступал весьма неосторожно: он не только обходился жестоко с болгарами, но был беспощаден к городам, оказавшим сопротивление; так, например, по словам византийской летописи, он посадил в Филиппополе 20 000 болгар на кол. Это обстоятельство может служить ключом и к разъяснению движения болгар против Святослава. Поняв, что отношения Византии к нему становятся враждебными, что в византийском императоре он имеет врага, Святослав распространил военные действия на имперские владения. Предав огню и разграбив столицу Болгарии Преславу и другие города, в числе их, вероятно, и Силистрию, Святослав победоносно продолжал движение за Балканы. Русские известия об этом кратки, и их мало сравнительно с византийскими. Святослав взял Филиппополь и Адрианополь и пошел на Царьград. Он дал знать, по обычаю русских, грекам: «Иду на вас; хочу взять и Константинополь». Относительно дальнейшего известия русские и византийские расходятся. Очень может быть, что спутаны столкновения, бывшие во время похода Святослава за Балканы, со столкновениями во время возвратного его движения. Русская летопись говорит, что адрианопольская битва имела решительное значение и что русские победили. По греческим известиям, греки победили под Адрианополем, и десятки тысяч русских были убиты. У одних исследователей дан перевес русским известиям, а у других—византийским. Начиная с Шлецера, упрекают русского летописца в неискренности, в партийности. Так как главнейший пункт разногласия между греческою и русскою летописью касается именно дела при Адрианополе, то в оправдание и подтверждение нашей летописи весьма уместно будет привести надпись, сделанную на гробнице Никифора Фоки Иоанном, митрополитом мелитинским, которая должна указывать на события 971—972 гг. Упомянутая надпись как раз передает тот психологический момент, когда Константинополь дрожал перед русскими. «Тот, кто прежде был крепче мужей и меча, тот сделался легкой добычей женщины и меча¹. Тот, кто своею силою держал в руках власть над всей землею, тот занимает теперь малый уголок земли. Тот, который и в ночи не давал себе краткого сна, давно уже спит теперь во гробе.

¹ Cedreni, II, 37; Leonis Diaconi, стр. 453 (Hsiii notae ad p. 89, lin. 12). Намек на исключительные обстоятельства, при которых последовала смерть Никифора по наущению жены его, царицы Феофано. См. Васильевский, ЖМНП, апрель 1875, стр. 109.

Но восстань ныне, царь! И устрой пеших и конных и копейщиков, твое воинство, фаланги и полки. На нас устремляется русское всеоружие, скифские народы в бешеном порыве наносят убийство, грабят всякое племя, твой город, между тем прежде их страшил твой образ, начертанный перед воротами Цареграда. Не презри этого, сбрось камень, который прикрывает тебя... Если же нет, то вскрикни хоть раз из земли своим голосом, может быть, и это одно рассеет их; если же и это тебе неужодно, то прими нас всех в свою гробницу!»

Нужно только хорошо вдуматься в положение дел, и для нас станет ясно, что не было другого момента, когда русские находились так близко к Константинополю, как при Святославе. Действительно, в Константинополе в это время дрожали, скифские отряды бродили около самой столицы. Если поставить рядом этот документ с русскою летописью, то последняя, понятно, много выиграет, и, наоборот, хвастливая речь Льва Диакона потеряет свое значение. Успех русских был несомненен, но Святославу не удалось воспользоваться своим блестящим положением, так как у него не было достаточно военных средств, а между тем Цимисхий собрал сухопутные и морские силы с востока и сам двинулся против русского князя. Высадившись в Силистрии, греки утвердились в северной Болгарии и угрожали отрезать русским отступление. Кроме того, болгары были на стороне Святослава до тех пор, пока он имел успех и сила была на его стороне. Святослав не принял мер для защиты Балканских проходов, и Цимисхий легко занял эти проходы и овладел русским отрядом, бывшим под начальством Свенельда в Великой Преславе. Русские были перебиты, кроме Свенельда, который бежал. Главные битвы между русскими и византийцами происходили под Адрианополем, Великой Преславой у подошвы Балкан и под Доростолом-Силистрией.

Здесь сосредоточил остатки своих сил князь Святослав, после того как его отряд под начальством Свенельда был уничтожен и Преслава предана огню и разграблению. Иоанн Цимисхий, разрушив на пути от Преславы Плиску, столицу ханов Крума и Омортага, и другие болгарские города, приблизился к Силистрии, где и произошла окончательная битва, описанная Львом Диаконем. Греческий историк посвятил несколько глав описанию героических подвигов Святослава и его дружины, которые составляют лучшее во всей литературе, касающейся военной истории первых русских князей. К сожалению, мы можем воспользоваться здесь только заключительным отделом.

В последнем сражении, которым было сломлено мужество осажденных в Силистрии воинов Святослава, оказались на стороне греков самые стихии. Внезапно поднявшаяся буря с сильным ветром, дувшим в глаза русским, дала большое преимущество врагам их. Сложилась легенда, нашедшая себе место в повествовании Льва Диакона, что св. Федор Стратилат стоял во главе византийского войска и помог ему докончить поражение русского отряда. «Сам Святослав, израненный и истекавший кровью, чуть не был взят в плен, только наступившая ночь спасла его.—Всю ночь Святослав томился в горе о гибели своей рати, мучился гневом и скорбью и утром следующего дня послал к царю Иоанну послов с просьбой о заключении мирного договора на следующих условиях: русские обязываются сдать Силистрию, освободить пленных и очистить Болгарию. Греки предоставляют им свободно отступить морским путем и дают обязательство не нападать на них своими огненосными судами, доставить им продовольствие в пути и принимать, согласно прежнему обычаю, как друзей тех, которые будут посылаемы ради торговых целей в Византию. После того как заключен был договор, Святослав искал личного свидания с царем. Он без всяких колебаний, в позлащенном вооружении при-

был на коне на берег Истра, окруженный многочисленным отрядом всадников в блестящих доспехах. Святослав же прибыл на простой скифской лодке и, взяв в руки весло, греб наравне с прочими, как простой воин. Вот какой он был по внешности: он был умеренного роста, ни слишком высок, ни слишком мал; брови густые, голубые глаза, плоский нос, редкая борода, верхняя губа его была обильно покрыта густыми и вниз спускающимися волосами. Голова была совсем голая, лишь на одной стороне висел локон волос—знак благородного происхождения. Шея толстая, плечи широкие, и все сложение очень стройное. Взгляд его был мрачный и суровый. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди. На нем была белая одежда, только чистой отличная от других. Поговорив немного с царем насчет мира, сидя на лавке лодки, он отправился к себе.

Как известно, на возвратном пути Святослав былнеожиданно застигнут печенегами и погиб в схватке с ними.

В смысле исторического значения походов Святослава в Болгарию нужно отметить в особенности следующее. Прежде всего они имели роковое значение для Болгарского царства, образованного победами Симеона и получившего твердые устои в соглашении, имевшем место в 927 г. Походы Святослава произвели полный разгром в северо-восточной половине Болгарского царства, сопровождаясь разрушением столицы—древней Плиски и новой Преславы,—ослаблением власти болгарской династии и возбуждением притязаний на власть среди туземных элементов, не вполне еще слившихся с завоевательной ордой. С общеисторической точки зрения это обстоятельство имело громадные последствия в судьбах Болгарии; между прочим, в нем лежит причина усиления греческого элемента за счет славянских и албанских племен Балканского полуострова, которым так последовательно и с неумолимой суровостью воспользовался царь Василий Болгаробойца; в нем же лежит объяснение раздвоения Болгарии на восточную и западную, с которым мы встретимся в ближайшие за этим годы. Не менее значительными последствиями сопровождалось это движение и в истории русского господства на побережье Черного моря и в Крыму. Великий князь Святослав по договору 971 г. обязывался не иметь притязаний ни на Корсунскую область, ни на Болгарию, и даже в том случае, если бы кто из других народов покусился на греческие владения, он должен был бороться с ним за интересы Византии. Это был полный крах, вредно отзывавшийся на политическом положении славянства.

